

УДК 130.2

**«ПРОИЗВОДСТВО ПРИСУТСТВИЯ» Х.-У. ГУМБРЕХТА ЧЕРЕЗ
ПРИЗМУ АРХЕОЛОГИИ**

Савельева А.К.

В статье анализируются точки соприкосновения в культуре археологии и программы гуманитарных исследований Х. У. Гумбрехта. Археология досконально исследует материальные факторы коммуникации и воплощает в себе «присутствие».

Ключевые слова: *присутствие, материальные факторы коммуникации, археология.*

Перепроизводство толкований в порожденных постмодернизмом подходах в философии культуры на сегодня настолько велико, что по сути оказывается интерпретационным тупиком, в котором герменевтика, множа варианты осмысления значений, «выпускает из поля зрения» сами порождающие значения вещи. Альтернативной перспективной системой представляется базирующийся на категории «присутствия» подход Х.-У. Гумбрехта, который как позитивный и ценностный способен, на наш взгляд, задать новые критерии рефлексии.

Целью данной статьи является рассмотрение базовых понятий подхода в их корреляции с инструментарием современной археологии, правомочности и перспектив такой корреляции.

Ханс Ульрих Гумбрехт (р.1948) – германо-американский литературовед, теоретик культуры, профессор Стэнфордского университета в своей книге «Производство присутствия: чего не может передать значение» (Production of Presence: what meaning cannot convey) «присутствием» [presence] обозначает «не временное, а пространственное отношение к миру и его предметам», где «присутствующее может оказывать непосредственное воздействие на человеческое тело». Термин «производство» [production] буквально означает выдвигание присутствующего в пространстве. Отсюда под «производством присутствия» понимаются всякого рода события и процессы, вызывающие или усиливающие воздействие «присутствующих» объектов на человеческие тела. Все предметы, имеющиеся в «присутствии», Гумбрехт называет «вещественным миром» [things of the world], уточняя, что это понятие включает в себя как дополнительный смысл идею стремления непосредственного доступа к телу и сознанию человека [1, с.10]. Эффекты производства присутствия - это все эффекты осязаемости, производимые

материальными факторами коммуникации, и зависящие от пространственных движений большей или меньшей близости и большей или меньшей интенсивности.

Гумбрехт также очерчивает своеобразные идеальные типы – «культуры присутствия» и «культуры значения» [1, с.86-92].

Основные характерные особенности и различия в культуре присутствия и культуре значения таковы: «культура значения» 1) является культурой духа (сознания); 2) человек в ней рассматривает свое положение как субъектное и эксцентричное по отношению к состоящему из материальных объектов миру; 3) знание производится субъектом как акт истолкования мира (поиск «духовной истины» под материальной поверхностью); 4) центральное понятие - знак как единство означаемого и означающего; 5) основное призвание человека заключается в преобразовании мира; 6) основополагающим измерением является время как атрибут сознания; 7) власть как откладывание актуального насилия; 8) категория действия связана с ценностью инновации, и, из нее - с удивительным как эффектом неожиданности; 9) взаимодействия между людьми характеризуются категориями игры и вымысла, в которых мотивация сменяется правилами игры и 10) культурам значения соответствуют ритуалы парламентских дебатов, где решения зависят от интеллектуального достоинства аргументов. «Культура присутствия» в этой дихотомии характеризуется: 1) господствующим самоопределением через тело; 2) тело рассматривается как часть космоса (творения), включено в мир и обладает внутренним смыслом; 3) знание откровенно и является результатом самораскрытия мира как дара, не требующего истолкования; 4) центральное понятие – вещь, объединение субстанции (нуждающейся в месте) и формы, позволяющей воспринимать субстанцию; 5) человек принимает участие в преобразованиях космоса как соавтор, включая себя в его ритм; 6) основополагающим измерением является пространство как места, занимаемые телами; 7) насилие как занятие пространства телами; 8) событие является поразительным разрывом континуальности, где нет ни удивления, ни инновации; 9) взаимодействия основаны на космических ритмах, перерывы в них – структура «карнавала» и 10) ритуал – евхаристия, делающая присутствующим тело Бога.

Современная виртуальная повседневность, где вездесущность технологий коммуникации устраняет из существования пространство, а присутствие мира сокращается до присутствия на экране, порождает, по Гумбрехту, «стремление наладить экзистенциальную близость с измерением вещей» [2, с.87].

Для Гумбрехта «присутствие» проявляется также в необходимости «заново открыть и развить созерцание как форму жизни», среди задач академических гуманитариев он выделяет важность обсуждений, обмена впечатлениями и мнениями, моментов «современной стадии интеллектуальной и духовной традиции созерцания». Гумбрехт отмечает: «то, что мы в состоянии предложить обществу,

которое жаждет присутствия, может быть описано как специфическая конкретизация событийной культуры», подразумевая под событийной культурой «готовность к тому, чтобы с нами случались удивительные вещи, чтобы нас посещали внезапные интуиции и прозрения... невозмутимость, готовность позволить себе быть обусловленным тем, что не может быть спрогнозировано»[3,с.56-57]. На наш взгляд, эти простые наблюдения очень важны, ведь ни одно интеллектуальное усилие не рождается в пустоте; если попробовать самым грубым образом описать зарождение какой-либо научной школы, то речь пойдет просто о группе людей, которых объединяет общее любопытство, которым интересно разговаривать друг с другом. И желание достижения «присутствия» - тот начальный личностный фактор, из которого вырастает институт ученичества, развитие, любая животворящая традиция.

Система разделения на культуры значения (к которым несомненно принадлежит наша современная) и культуры присутствия, сосредоточенность не на тексте, а на коммуникации, вся программа исследования «производства присутствия» в разработках Гумбрехта с ее задачей достижения «мига покоя» обновляет гуманитаристику и позволяет, как отмечает А.С. Филоненко после сопоставления этих разработок с развитием таких академических разделов, как философия науки, постсоветская культурология и академическое богословие, выходить на более широкое пространство диагностики новой культурной чувствительности [4, с.58-70].

В целом подход Гумбрехта является возвращением «присутствия» после перенасыщенности «значением», и в этой связи, принимая его концепцию как описывающую новую культурную чувствительность, мы приходим к вопросу о необходимости конкретного методологического аппарата. От понятий «знака», «символа», «интерпретанты» и подобных, характеризующих «культуры значения», необходимо перейти к поиску теоретической модели, способной непосредственно работать с порождающей присутствие вещью. Тут, на наш взгляд, базовыми категориями могут стать такие, как «артефакт», «материал», «технология», «память», «акт творения». И в поле исторических дисциплин существует наука, всегда стоявшая несколько обособленно, пережившая период самоинтерпретации как «низкой» или практической по сравнению с «высокими» теоретическими построениями истории, однако всегда скромно предоставлявшая данные для этих построений - археология. М.Фуко, характеризуя общее историческое формирование идей, концептов и знаний, говорит о системах, которые устанавливают свои высказывания как события (имеющие свои условия и область появления) и вещи (содержащие свою возможность и поле использования), и вводит понятие архива как совокупности всех систем высказывания, как событий, так и вещей [5, с.128]. И именно археологическая наука, «дописьменная история», как ее

в противовес «письменной» до сих пор именуют в некоторых национальных традициях, плодотворно изучает материальные факторы коммуникации древних обществ, в том числе тех, для которых сохранилась только (или практически только) «вещественная» составляющая, и только из нее, из конкретно-артефактной системы высказываний, должна выводить весь объем информации не только про материальную, но и про духовную жизнь древних культур. Рассматриваемые Гумбрехтом культуры присутствия - это как раз древние общества, по праву являющиеся научной «вотчиной» именно археологии.

Археология же на современном этапе ее развития находится в активном поиске новых возможностей для более глубокого и всестороннего получения информации из артефактов. Она взаимодействует с широким кругом наук от палеоботаники до этнографии, все больше интегрирует естественнонаучные методы, например такие, как радиоуглеродная и спектральная датировка, активно развивает трасологический анализ – метод, предложенный еще в 1957 г. С.А. Семеновым [6, с.55-57] для изучения каменных орудий, а именно исследование их с помощью микроскопа и определение функций по следам износа, прослеживаемых на рабочих поверхностях древних инструментов. И при этом археологическая наука, имея собственный развитый инструментарий и зачастую тяготея к методологиям естественных наук, остается в первую очередь включенной в поле истории – эталонной, согласно классическому разделению, «науки о духе» в философии культуры. Сейчас археология объединяет в себе проблематику как объяснения, так и понимания древних обществ, и все активнее использует герменевтику культуры.

Применение аналитического аппарата языкознания к нелингвистическому материалу, начиная еще с фундаментального теоретического допущения Леви-Стросса о том, что культура имеет строение, подобное строению языка, привело к переносу лингвистических, а после и структурно-семиотических методов в любые гуманитарные науки в той мере, в которой они могли выделять в своем материале такие категории, как «язык» и «речь», «диахронию» и «синхронно», «варианты» и «инварианты» и т.п. [7, с.4-5, 9]. Не обошло это и археологию: все больше распространяется структурно-семиотическое видение исследовательского процесса, все чаще рассматривается такой аспект бытия древнего предмета, как его знаковая функция, а «закрытые» совокупности предметов, например такие как погребение, изучаются как знаковые системы. Полноценная интерпретация древних вещественных памятников обязательно должна включать в себя и их семиотическую характеристику, в конце концов – воспроизведение присущего той или иной культуре образа мира, частью которого был этот предмет. Конечно, никакой единый семиологический подход в археологии невозможен, здесь, как и в других науках, скорее действует принцип взаимодополнения, при котором с разных точек зрения освещаются разные стороны вещей. Так, Ж.-К. Гарден, говоря об

отсутствии общей теории интерпретации археологических вещей, отмечает, что в своих работах он опирается на семиотику Ч. Морриса [8, с.29]. Д.С. Раевский, который с советских времен является одной из самых ярких фигур среди археологов, посвятивших свои исследования именно реконструированию мировоззрения по материальным остаткам, и его школа, опираются на традицию Ч. Пирса и М.Ю. Лотмана [9, с.12]. С 2002 года в Донецке стараниями научно-исследовательской группы при Донецком университете выходят сборники «Структурно-семиотические исследования в археологии» (на сегодня три тома), в которых представлено значительное разнообразие подходов и очерчивается круг современных задач археологии, связанных с границами интерпретационных возможностей знаков и пределами применения семиотических подходов для археологического материала.

Согласно программной статье Д.С. Раевского и Е.В. Антоновой [9, с.13-14], которая является своеобразным лаконичным подведением итогов не только их собственных исследований, но и очень удачно освещает все те принципы, из которых начиная с советского времени выростала в отечественной археологии традиция семиотического анализа, семантический подход должен быть системой приемов извлечения из «мертвых» вещей информации не только о «материальной» стороне жизни людей прошлого, но и об их представлениях, реакциях на окружающий мир, об их образе мира в целом. Под знаковой функцией вещи (вещь – артефакт, находка, предмет – элементарный целостный продукт целенаправленной человеческой деятельности) понимается присущее ей свойство указывать на нечто, не тождественное ее материальному бытию (соотношение сродни принятому в семиотике определению знака и свойства обладать значением), способность являться не только утилитарным предметом. Вещь как объект научного анализа является «знаком для нас», и в то же время рассматривается как «знак для них», ее семиотический статус базируется на выработанных изучаемой культурой кодах. Практически любая вещь соединяет утилитарную и знаковую функции, при этом последняя должна рассматриваться в динамике, как продукт взаимодействия трех моментов – социально-экономического, гносеологического и собственно семиотического. Первобытное общество с неразвитой социально-экономической основой характеризуется целостной, недифференцированной культурой, в гносеологическом аспекте базировавшейся на мифологическом мировосприятии. В нем однотипные «структурные конфигурации» повторяются на разных уровнях и в разных сферах мироосмысления, порождая восприятие различных сторон бытия как изоморфных друг другу. Каждая конкретная реализация универсальной модели (рукотворная вещь, природные и социальные феномены) выступает означаемым по отношению ко всем прочим ее же реализациям (означаемым), причем отношения означаемого и означающего принципиально обратимы. Поэтому любая сфера

универсума моделировала мир в целом, каждый знак обретал множественную семантику, а разнокодовые знаки образовывали синонимичные элементы «семантических рядов». В таких семантических рядах в качестве одного из равноправных кодов выступал и мир вещей. Из мифа как базы такого структурирования вытекает необходимость неразрывного рассмотрения мифа и мира вещей. Для архаического человека знаковая функция – неотъемлемое качество вещи как атрибута социума, она не альтернативна прагматическим ее функциям, но и не автономна от них: то, что вещи присуща знаковость, есть одно из важнейших условий обеспечения успешного выполнения ею своих прагматических функций. При этом отсутствие письменности во многих ранних обществах дополнительно усиливает семиотический статус мира вещей, так как их система выступает и средством коммуникации. Вещь, интегрированная в конкретный коммуникативный акт, по его завершении становится хранителем «овеществленной» информации, оттого так велика роль вещей в традиционных обрядах [10, с.224]. Таков вкратце механизм закрепления за вещью в традиционных культурах знакового содержания. Исследователи отмечают, что, благодаря присущей архаическому мировосприятию образности, в вещи-знаке проявляются, помимо символических, также индексальные и иконические черты, что и делает возможными попытки интерпретации знаковой сущности вещи с опорой на ее собственные характеристики (назначение, материал, форма, дополнительные элементы) и место в археологическом контексте. Между заведомой конкретной образностью любого знака в условиях мифологического мировосприятия и тенденцией к элиминированию этой образности вследствие жесткой интеграции знака в ситуацию живого коммуникативного акта реализуется все знаковое бытие архаических культур [9, с.15-16].

К сожалению, актуальная проблематика отечественной (вообще постсоветской) науки отстает по сравнению с тенденциями последних десятилетий в британской и американской археологии. Последние уже проходят «структуралистский» период и ищут новые пути развития, на которых стоит остановиться подробнее.

Уже 1960-е гг отмечены бурными дискуссиями так называемой Новой, или процессуальной, археологии. Ее представители выступали с позиций неопозитивизма, материализма и уверенности в возможности объективно выявить законы эволюции человеческого общества [11, с.7-8]. Среди них возникает три основных течения: гемпелианцы (Л.Бинфорд), придерживавшиеся неопозитивистской дедуктивной схемы проверки гипотез и отвергавшие задачи конкретной истории в пользу социологизированной антропологии; аналитическая археология (Д.Кларк), ориентированная на создание методологической «аналитической машины» для переработки данных в однозначную объективную реконструкцию, и серутанское крыло (К Ренфру, К. Флэннери), стремившееся

выявить природную саморегуляцию сложных социокультурных систем. В 70-х гг процессуалисты подвергаются критике со стороны бихевиорной археологии (М.Шиффер) за рассмотрение археологических культур как информационно «готовых» для изучения динамических систем, без учета искажающих археологические остатки факторов. Отсюда возникает необходимость в изучении формирования археологического источника. Еще радикальнее заполнение пробелов в Новой археологии, связанное с ее сосредоточенностью на материальной стороне культуры, на следах производства и игнорирование всего, связанного с идеями и символами, отобразилось в работах ученика Д.Кларка Я.Ходдера. Ходдер, отвергая процессуалистскую убежденность, что универсальными законами можно объяснить все разнообразие культуры и истории, что возможно гипотезно-дедуктивным методом эксплицитно реконструировать прошлое, призывал вернуться к истории, к выявлению индивидуальных вкладов и действий. Л.Клейн, рассматривая развитие археологических теорий, отмечает, что именно с работ Я.Ходдера изменяется философское осмысление археологами своей деятельности: на место Поппера, Нагеля, Витгенштейна и Гемпеля выдвигаются Рикер, Барт, Лиотар, Деррида, Гуссерль, Гадамер, Хайдеггер и Адорно [11, с.8]. Новое течение, возглавляемое Ходдером, берет себе название «пост-процессуализм» и гармонично вписывается в широкое идейное течение постмодернизма как его археологическое ответвление.

Параллельно возникновению пост-процессуализма значительно трансформировалась серутанская археология. В 1982 г. Колин Ренфрю возглавляет кафедру археологии Кембриджского университета, и уже в инаугурационной лекции обозначает новое важное понятие – «археологии познания», или когнитивной археологии. Термин подразумевал изучение познавательных аспектов культуры археологическими средствами, по материальным остаткам, то есть аспектов, относящихся к ментальности, психике – тех, которые по «лестнице доступности выводов» К.Хокса (начальная ступенька «лестницы Хокса» - реконструкция техники и производства, более трудная - восстановление социальных структур по археологическим материалам) считались наиболее труднодоступными для исследования [11, с.8-9]. Ренфрю рассматривал археологию познания как следующий логический шаг после освоения социальной археологии, предшествующей по «лестнице Хокса» познанию идей. В дальнейших работах Ренфрю подчеркивал разницу своего подхода к «идеофактам» и символам от пост-процессуалистского подхода: если они - идеалисты, ориентирующиеся на интуитивное «понимание», то себя он считал материалистом, пытающимся найти чисто научные средства установления зависимости между материальными остатками и древними идеями. Ренфрю намечал такие виды работы археологов с древними символами: 1) выявление целенаправленных структур символического поведения, 2) планирования, 3) использования символов как мер, 4) в

межличностных отношениях, 5) в коммуникации со сверхъестественным миром, 6) воплощения реальности в изображениях.

Значительное влияние на дальнейшее развитие когнитивной археологии оказала книга психолога М. Доналда «Происхождение человеческого сознания», для осмысления которой в 1996 г. в Кембридже по инициативе Ренфру была проведена конференция и изданы ее материалы. По Доналду, существуют четыре стадии развития сознания у приматов вообще: 1) эпизодическая, на которой отдельные мыслительные операции возникают у всех приматов применительно к конкретным задачам, 2) подражательная, которая развивается у ранних гоминид (обучение через подражание), 3) мифическая – у *Homo sapiens sapiens*, на ней возникают язык, орудия, мысленное моделирование, символика и внешняя память – вне человеческого мозга, на предметах-носителях, и 4) теоретическая – это современные городские культуры, интенсивно пользующиеся внешней памятью – письменностью, планами, геометрией и т.д. Базовым для археологов оказывается здесь введенное Доналдом понятие «внешней символической памяти» (*external symbolic storage*), потому что оно покрывает значительную часть материальной культуры – предметов с изображениями, знаками, символическими значениями – и ориентирует исследователя на осознание их функции в энкультурации. Ренфру в своих статьях вводит это понятие в глоссарий когнитивной археологии и дополняет периодизацию еще одной фазой, между мифической и теоретической – фазой интенсивного применения символической материальной культуры, характерную для ранних оседлых аграрных обществ. В статье 2001 г. Ренфру высказывает идею, что в развитии человечества материализованная символика появляется каждый раз до того, как на этой основе возникает «чистое» понятие, и начинает очерчивать свою «теорию приспособления к материалу» («*material engagement*»). Постоянным приспособлением сознания к материальному миру Ренфру считает «материальную память», наглядно воплощаемую в сувенирах и памятниках (т.е. всех археологических объектах), а также «скрытую», «подразумеваемую память» (*implicit memory*), которая заключается в любом использовании артефактов, так как все они сопряжены с представлениями об их изготовлении и использовании, об их конкретной истории и сопряженных с этим событиях и процессах. «Теория приспособления к материалу занимается отношениями между человеком и материальным миром и сосредоточивается на использовании и статусе материальных объектов (главным образом произведенных объектов или артефактов), которые применяются как посредники во взаимодействиях между людьми и их средой. Цель – облегчить анализ и понимание изменений в культуре» [цит. по 11, с.12]. Теория Ренфру к настоящему моменту до конца не разработана и является скорее «новой парадигмой», но уже постановка проблемы адаптации человеческого разума к материальной культуре выходит на проблемы эволюции

сознания и человека вообще. Интересно, что в последних работах Ренфру археология по своим целям и способам сравнивается с искусством, проводятся аналогии между современной живописью и древними артефактами и акцентируется «опыт постижения мира через чувства, через переживание личностного контакта с материей». Можно критиковать такое восприятие, как это делает Л.Клейн [11, с.16-19], но невозможно отрицать, что оно есть, что один из ведущих археологов современности после нескольких десятилетий исследований приходит к мыслям, которые уместно характеризовать именно как попытку по сути работать с археологическим материалом как остатками культуры присутствия.

На наш взгляд, разработки Кембриджской школы, долгие годы возглавляемой К. Ренфру, свидетельствуют о пусть начальном, но дополнении и преодолении семантических подходов к археологическому источнику. Отечественная традиция также, даже оперируя привнесенной из семантики терминологией, постоянно сбивается то на сравнительную теорию мифа, то на рассмотрение вещи «из самой себя» - поэтому тут скорее можно говорить об определенной терминологической неопределенности по сути смешанного подхода. Парадигмы современной археологии прямо перекликаются с необходимостью внимания к «эффектам присутствия» у Гумбрехта, и при дальнейшей проработке способны породить более четкий и оформленный методологический аппарат. Проработка подобной базы, естественно, требует значительных усилий и осторожности, но в данном случае хочется акцентировать концептуальную важность подобных разработок.

Семиотика - несомненно яркий интеллектуальный атрибут культуры значения - в свое время, возникнув в языкознании, перевернула гуманитаристику. Археология же, специализируясь именно на изучении артефактов, с ее «внутренними» методами, такими как трасологический анализ и реконструкция, всеми огромными ее наработками по изучению именно технологии и материала (а для дописьменных обществ вещь является очень важным, а диахронно часто и единственным кроме устной традиции носителем информации) способна, на наш взгляд, выступить базой для построения системы анализа «присутствия», причем не только для древних обществ, но и для современности. Такая возможность представляется очень интересной в плане рефлексии, направленной на постижение «присутствия», археология может стать такой концептуальной традицией, о необходимости которой писал Х.-У.Гумбрехт [1, с.30]: «Отныне любой плодотворной рефлексии придется порвать с (ныне уже поблекшей) «постомодернистской» традицией ... для рефлексии о присутствии должна быть существенна и необходима любая концептуальная традиция, которая, начиная с философии Аристотеля, работает с субстанцией и пространством».

Список литературы

-
68. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение / Х.У. Гумбрехт ; пер. с англ. С.Зенкина. — М.: Новое литературное обозрение. — 2006. — 184 с.
 69. Гумбрехт Х.У. Присутствие в языке или присутствие, достигаемое вопреки языку? / Х.У. Гумбрехт // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна № 904 /2010. — Серія: теорія культури і філософія науки. Спецвипуск 1: «Койнонія». Філософія Іншого і богослов'я спілкування. — Харків-Київ: Дух і Літера, 2010. — С. 76-87.
 70. Гумбрехт Х.У. Что мы потеряли и что нам сегодня необходимо в гуманитаристике / Х.У. Гумбрехт // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна № 950/2011. — Серія: теорія культури і філософія науки. Спецвипуск 2: «Койнонія». Філософія Іншого і богослов'я спілкування. — Харків-Київ: Дух і Літера, 2011. — С.51-57.
 71. Филоненко А.С. «Производство присутствия» и новая культурная чувствительность: «нескромное предложение Гумбрехта»и его академические расширения / А.С. Филоненко // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна № 904 /2010. — Серія: теорія культури і філософія науки. Спецвипуск1: «Койнонія». Філософія Іншого і богослов'я спілкування. —Харків-Київ: Дух і Літера, 2010. —С. 49-74.
 72. Фуко М. Археология знания / М. Фуко ; пер с фр. С.Митина, Д.Стасова. — К.: Ника-Центр. — 1996. — 208 с.
 73. Семенов С.А. Первобытная техника / С.А. Семенов // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1957. — №54. — 284 с.
 74. Косиков Г.К. “Структура” и/или “текст” (стратегии современной семиотики) / Г.К. Косиков // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму ; пер. с фр., составление и вступительная статья Г.К. Косикова. — М.: ИГ “Прогресс”, 2000. — С. 3-48.
 75. Гарден Ж.-К. Семиотические методы аргументации в археологии: Вклад в проблему «моста» / Ж.К. Гарден // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Т.3. — Донецк, 2006. — С. 21-50.
 76. Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика / Е.В. Антонова, Д.С. Раевский // Структурно-семиотические исследования в археологии.Т.1 / Гл. ред. Евглевский А.В.; Ин-т археологии НАН Украины: Донецкий нац. ун-т. — Т.1. — Донецк:ДонНУ, 2002. — С.11-26.
 77. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология / А.К. Байбурин // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. XXXVI. Материальная культура и мифология. — Л., 1981.
 78. Клейн Л.С. Когнитивная археология и ее теории: обзор новейшей литературы / Л.С. Клейн // Структурно-семиотические исследования в археологии. — Т.3. — Донецк : ДонНУ, 2006. — С. 7-20.

Савельева О.К. «Виробництво присутності» Г.У.Гумбрехта крізь призму археології // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. — 2012. — Т. 24 (65). — № 1-2. — С.

У статті аналізуються точки зіткнення в культурі археології і програми гуманітарних досліджень Г.У. Гумбрехта. Археологія досконально досліджує матеріальні фактори комунікації і втілює в собі «присутність».

Ключові слова: присутність, матеріальні фактори комунікації, археологія.

Savelieva A.K. «Production of Presence» by H. U. Gumbrecht through the lens of Archaeology // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. — 2012. — Vol. 24 (65). — № 1-2.— P.

The article analyzes points of contiguity of archaeology and H.U. Gumbrecht’s program of humanitarian researches in the culture. Archeology thoroughly studies material factors of communication and embodies in itself the «Presence».

Keywords: Presence, material factors of communication, archaeology.